

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 81–13

О ВОЗМОЖНОСТИ В ЛОГИКЕ И В КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ*

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

vdemiank@mail.ru

«Возможность» является одним из важнейших понятий модальной логики, играющих ключевую роль в «теории возможных миров», получившей развитие в 1950-е-1980-е гг. В когнитивной семантике на этом понятии основаны некоторые концепции семантической репрезентации языковых выражений, в которой отражены логические и коммуникативные свойства высказываний. Концепции «метафорической истины» также используют это понятие. Анализ контекстов употребления лексем классов «возможно» и «невозможно» во французском многожанровом корпусе художественных и научных текстов позволяет выдвинуть гипотезы о процедуре и стратегиях конструирования и интерпретации «миров» на французском языке.

Ключевые слова: когнитивная семантика, локализм, семантика возможных миров, возможность, французский инфинитивный оборот, связность дискурса.

Для цитирования: Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5-21.

DOI: 10.20916/1812-3228-2021-4-5-21

1. Введение

Предыдущая публикация в данном журнале [Демьянков 2020] была посвящена лексическим единицам со значением «возможность» и «вероятность» в многожанровом корпусе текстов на русском и западноевропейских языках, особое внимание было уделено латинскому корпусу. Работа [Демьянков 2020a] это исследование продолжила на материале корпуса испанского языка.

В данной статье речь пойдет о том, как используется понятие «возможность» в некоторых направлениях лингвистической семантики и логики (особенно в «семантике возможных миров»), об их «локалистских» основаниях в когнитивной семантике. Такое исследование позволило бы разработать системы искусственного интеллекта, предсказывающие

возможные результаты мысленных экспериментов: в частности, моделировать поведение толпы в ответ на сложные пропагандистские акции.

Будет установлена относительная частота нескольких конструкций с лексемами классов «возможность» и «невозможность» в корпусе французских текстов.

2. Теория возможных миров и когнитивная семантика

«Теория возможных миров», создателем которой считается Г.В. Лейбниц, возродилась и была очень популярна в философской логике и в формальных теориях языка с конца 1950-х до 1980-х гг. [Cresswell 1973: 4], см. также [Целищев 1977].

Ключевое определение Лейбница таково: *J'appelle monde toute la suite et toute la collection de toutes les choses existantes, afin qu'on ne dise point que plusieurs mondes pouvaient exister en différents temps et en différents lieux. Car il faudrait les compter tous ensemble pour un monde, ou si vous voulez pour un univers* [Leibniz 1900, первое издание 1710] «Я называю миром все следствия и всю совокупность

* Разделы 4 и 5 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 2, 3, 6, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

существующих вещей, чтобы уже нельзя было утверждать, будто могут существовать еще многие миры в разные времена и в разных местах. Потому что все их в совокупности следует считать за один мир, или, если угодно, за один универсум» [Лейбниц 1989: 134-135].

И далее: *Et quand on remplirait tous les temps et tous les lieux, il demeure toujours vrai qu'on les aurait pu remplir d'une infinité de manières, et qu'il y a une infinité de mondes possibles, dont il faut que Dieu ait choisi le meilleur, puisqu'il ne fait rien sans agir suivant la suprême raison* [Leibniz 1900, первое издание 1710] «И когда все времена и все места в этом универсуме будут наполнены, все же остается верным, что их можно было бы наполнить бесконечно разнообразными способами и что существует бесконечное число возможных миров, из которых Бог необходимо избрал наилучший, потому что он все производит по требованию высочайшего разума» [Лейбниц 1989: 134-135].

Иначе говоря, исследуя актуальный мир, попытаться установить, каким он мог бы быть, если бы то или иное условие не было выполнено [Hintikka 1983: 158], чтобы удостовериться в том, насколько разумно все устроено и что является причиной этого. Помимо вариаций в пространстве и времени, мир обладает еще производным параметром «быть или не быть возможным», соответствовать «полной возможной ситуации» (a complete possible situation) [Cresswell 1985: 3].

От этой теории когнитивисты ожидали методов репрезентирования мира, которое позволяло бы «вычислять» легитимность и возможность ситуаций, ср. [Cresswell 1983: 64]. Но обилие разнородных языковых явлений, требующих, как показано в глубокой и подробной монографии [Болдырев 2018], профессионального лингвистического вмешательства, на некоторое время заставило отложить этот проект.

«Множество возможных миров» представляет «синтезирующую», обобщающую интерпретацию для всех мыслимых (не обязательно существующих) миров в человеческой ментальности [Cresswell 1983: 72], с индивидуальными отклонениями от консенсуса, вызванными разнообразием в показаниях «датчиков». Этот «фоторобот» на основании опроса свидетелей и потерпевших, взвесив достоверность информации из разных источников вместе и порознь, дает портрет «преступника».

Если хотя бы один пункт в репрезентации

«соответствует действительности», говорят об истине или ложности высказываний, ср. [Heny 1981: xxviii]. Так, *Единорог съел мое яблоко и не подавился* может говорить о возможном мире, если яблоко хотя бы сначала было реальным, а потом перешло в другое качество. Неиндикативные восклицания типа *Будь готов!* не считаются ни истинными, ни ложными [Schmerling 1982: 209-210], в отличие от ответа *Всегда готов!*, в справедливости которого убеждаются, застав проверяемого врасплох. Итак, возможные миры – то, чем мог бы быть, но не обязательно является этот мир, и все допустимые отклонения его от реальности [Fitch 1987].

Возможность события или предмета противопоставляют одновременно и бесконечному универсуму (где каждое событие – всего лишь одна из возможностей), и неотвратимому закону, вообще исключаящему выбор, см. [Costantini 1985: 55]. Ведь закон абсолютно «индикативен», представляя все не как то, что может произойти, а как то, что уже происходит, произошло или не может (не) произойти, – в отличие от высказываний в сослагательном или повелительном наклонении, на другом полюсе шкалы индикативности [Auwera 1985: 204]. Возможность так относится к закону, как неуверенность (uncertainty) к истине (truth), см. [Givón 1973: 924], ср. [Демьянков 2020: 13].

Вслед за этой теорией в некоторых концепциях фреймовой структуры событий говорят о параметрах преобразуемой ситуации, выбираемых действующим лицом из того, что «законно» дано природой: абсолютная социальная позиция (статус, роль и т.п.) агенса, его физические свойства (пол – в отличие от гендера, т.е. не чисто физической, а социальной категории; возраст и т.п.), относительная социальная позиция (доминирование и подчиненность, авторитетность и т.п.), «служебные обязанности» (роли отца, официантки, судьбы и т.п. у «действующих лиц»), см. [Dijk 1981: 225].

Заполненный фрейм события – как театральная программа или титры кино, указывающие роли в тексте пьесы и исполнителей в конкретном представлении на конкретной сцене. Задавая вопросы о событиях, держат перед глазами недоукомплектованную программу, по которой можно угадать ожидаемый ответ [Karttunen, Peters 1976: 365]. Прямое опротестовывание пресуппозиций вопроса и общепринятых презумпций – бунт на корабле коммуникации. Ср.: «Когда ты перестанешь мучить свое животное?» – «Но у меня нет животных» (бунт, но мягкий) при

миролюбивом псевдосогласии: «Ты имеешь в виду моего мужа?». Уклоняются от легитимации пресуппозиций, не принимая навязываемый «мир» в качестве актуального и тем самым уходя от ответа, чтобы ненароком не оговорить себя.

Мир, задаваемый как фрейм, при «слотах» которого указаны все исполнители, в частности, параметры говорящего, адресата, «объектов референции» (предметов, о которых говорится в высказываниях) и т. п., с некоторой долей уверенности считают актуальным, пока не появится другая версия мира и резоны для опровержения [Searle, Vanderveken 1985: 28]: люди кусают себя и соседей по миру, чтобы убедиться в реальности происходящего. Так и ребенок ломает игрушки или дергает кошку за хвост, чтобы удостовериться в своем существовании.

Мир, который мог бы быть, но почему-либо так и не «подтвердился», называют «просто возможным», в него «можно только верить» (Ф.И. Тютчев), о нем думают, мечтают или догадываются [Cresswell 1988: 1]. Логическая трагикомедия бунтаря коренится в отказе признать законным (а потому по-настоящему актуальным) мир, в котором он живет: мятежному бомжевать в бурю без крыши над головой комфортней, чем под съехавшей набок крышей чуждого «мира».

Заполнение слотов фрейма сковывает свободу интерпретатора, ориентирующегося на возможности денотации у частей высказывания в рамках «возможной человеческой семантической системы» (possible human semantic system) конкретного языка, см. [Keenan 1983: 235]. А жизнь креативно-капризна, богемна и падка на сюрпризы, так что заполненный фрейм диалогического события с «нескромным» (по О. Уайльду) ответом приходится принимать как данность: «Который час?» – «Спи!».

Текст – заказ генерировать «возможные миры». Чтобы считаться внятным, он должен гарантировать «складную» доукомплектацию фреймов, а уж интерпретатор и сам смелет мир из зерен заказчика, подверстав его и к «миру фактов», и к возможным мирам коммуникантов [Tropia 1992/97: 43], ср.: «The text as a multilevel structure *knows* that the reader will probably behave in certain ways [...] But the text is not a possible world – nor as the plot. It is a piece of furniture of the world in which the reader also lives, and it is a machine for producing possible worlds (of the fabula, of the characters within the fabula, and of the reader outside the fabula)» [Eco 1979: 246]. Например, «нескладна» комплектация у предложений, называющих одно и то же, но под

разными именами, типа: *Муж Джессики очень любит свою жену* (с бродячим фокусом эмпатии, поскольку речь идет о Джессике и о жене мужа Джессики как об одной личности).

Автору художественного произведения добротный вымысел простят, за него похвалят и озолотят. Но при разборках в актуальном мире вымысел поощряется в зависимости от конъюнктуры взаимодействия двух координат оценки миров: статуса фиктивности излагаемого «мира» и предварительного наброска, или «концепта» как конспекта мира («the property of “being fictional” and the concept of *world*») [R. Ronen 1994: 106-107]. Под миром вымысла (fictional world) имеют в виду «фиктивные истины» (fictional truths), в этом мире содержащиеся, которые и воспринимать-то следует «из чужих рук» недоношенными и полуслепыми, неполными, с длиннотами и ограниченной логической дееспособностью [Walton 1990: 64-67], заложенными в них «от рождения», и приемлемыми разве что в виде цитат [Демьянков 2021].

3. Локализм в трактовке возможных миров

Понятие «возможный мир» в логике и в лингвистической семантике опирается на локализм, лежащий в основе когнитивной лингвистики и принимающий, что все, даже абстракции, человек мыслит в трехмерном пространстве, через призму «фигур речи» и «фигур мысли». Время и модальность тоже подаются в терминах пространства как ключа к «когнитивной значимости» языковых выражений, см. [Ishikawa 1998: 3].

В отличие от И. Ньютона, трактовавшего пространство и время как «контейнеры» предметов, очерчивающие границы предметов, иногда полагают, что пространство и время – параметры самих предметов, входящих в состав возможного времени, см. [Rescher 1995: 199], отражающие материальную и интеллектуальную последовательности событий [Rescher 1995: 207-209] (такая трактовка также иногда приписывается Г.В. Лейбницу).

Стандартное сегодня определение понятия «возможный мир» включает фигуру наблюдателя с его физическими координатами и когнитивными настройками: «Это обычно возможные состояния дел или направления развития событий, совместимые с рассматриваемой установкой некоторого определенного лица» [Хинтиikka 1980:

87]. Причем «[...] приписывание любой пропозициональной установки некоторому лицу связано с разделением всех возможных миров (точнее говоря, всех возможных миров, которые можно различить во фрагменте языка, используемом нами при этом приписывании) на два класса: первый из них включает возможные миры, согласующиеся с указанной установкой, а вторые – несовместимые с ней [...] Например, если речь идет (скажем) о том, что помнит *a*, то возможными мирами первого рода являются все возможные миры, совместимые со всем, о чем этот *a* помнит» [Хинтиikka 1980: 74-75].

Итак, вместо старомодного модально-логического *P* *возможно* утверждают, что существует возможный мир или «возможная ситуация» [Dowty 1978] (по [Stalnaker 1972], множество пропозиций), **в которых *P* истинно**. То есть предложение истинно не в вакууме, а в некотором множестве возможных ситуаций [Dowty 1978: 97]. Возможные ситуации считаются референтами пропозиций [Wolniewicz 1979: 165], в которых это *P* «находится» (если *P* – предмет), «происходит» (если *P* – процесс или событие) или не находится и не происходит. То есть *P* существует или не существует, происходит или не происходит только в некотором мире.

Сочетание локализма с формальным аппаратом модальной логики было реализовано в рамках «естественной логики» [Lakoff 1970: 354], предполагавшей, что предложение *P* описывает положение дел, «входящее в состав» некоторого возможного мира [McMichael 1983: 53]. Или, следуя [Kripke 1972], релятивизировавшего такие отношения [Gochet 1980: 338], в бесконечном множестве возможных миров существует хотя бы один такой, в котором имеет место *P*; и все эти альтернативные возможные миры в одинаковой степени реальны; критику см. [Felt 1983: 251]. Каждый возможный мир определяется как набор пропозиций, некоторые из которых даже смеют противоречить друг другу: для «поссибилистов» [Lewis 1973] все эти миры в одинаковой степени реальны и возможны. Но есть концепции, в которых, наоборот, пропозиции определяют как множества возможных миров, критику см. [Turner 1989: 63]. В обоих случаях опираются на фразеологию и формальный аппарат теории множеств, тоже по сути своей локалистский.

Так что же тогда означает пропозиция? По [Lyons 1977: 793], значение пропозиции включает в себя знание того, при каких условиях (т.е. в каких возможных мирах) эта пропозиция истинна.

Ситуационная семантика вместо понятия «возможный мир» использовала понятие ситуации, не всегда несамопротиворечивой [Barwise, Etchemendy 1989].

Некоторое время было еще модно с множеством возможных миров отождествлять мнение (belief). Но теоретики поохладели к такой трактовке, поняв, что тогда пришлось бы признать, что, мнение, что существуют единороги, равносильно мнению, что существует Баба Яга: у обоих истинностная оценка – «ложь», одинаково множество возможных миров, в которых эти мнения справедливы [Kamp 1990: 29], но не все, веря в единорогов, верят и в Бабу Ягу, см. [Chierchia et al. 1989]. При логическом подходе, сводящем истинность к двум-трем значениям, все суждения о несуществующих предметах эквивалентны между собой: логически противоречивая пропозиция описывает положение дел, соответствующее пустому множеству возможных миров, т.е. является подмножеством любого множества, ср. [Lyons 1977: 170-173].

В рамках такого подхода возникают проблемы и с представлением о «реальных» абстракциях как о предметах, существующих «на самом деле», но «как бы» в «абстрактном» мире, допускающем противоречия. Спор «поссибилистов» и «актуалистов» [Nolt 1983: 21-23] крутится вокруг выбора и оценки действий конкретного агенса из множества возможных и их последствий для актуального мира, см. [Jackson, Pargetter 1986: 233-255]. Случаются заимствования из мира одного агенса в мире другого агенса.

Так, грустно сообщая *Печалью вашей я печалью. И плачу вашей слезой...*, Елецкий в опере П.И. Чайковского «Пиковая дама» для наглядности признается в использовании духовных и физических ресурсов – печали и слез – рассеянной героини, пропажи не заметившей (а иначе зачем ей в этом признаваться?). Так и мимикрирующий репортер, одетый в спецовку рыболова, а не во фрак, рассчитывает на большую доходчивость своего интервью с рыболовами, чем с музыкантами, даже (и особенно) если видно, что сам он рыбу не ловит и на трубе не играет.

Степень сопричастности и достоверности, столь иконично подаваемых, варьируется. Растиражированное «переодевание» опытной публике кажется безвкусным. А школьница зарыдает от признания старого сердцеда там, где завуч и директор школы всего лишь бровью поведут. Неожиданный и неслыханный «креатив из-за угла» лишен назойливости повтора, да

только вот интерпретатор-новичок этого все равно не заметит, ему можно отгрузить что-нибудь попроще.

Отграничение чужой ментальности от своей дает ощущение самоидентификации в мультиреальном мире. Предложение *У Джона заболел сын* (как и *У Джона заболела рука*) – парадный пример пространственной конструкции («быть у чего-либо» буквально значит «быть рядом»), указывающей на жизнь одновременно в двух мирах, когда сын мыслится как часть тела. И амебе есть что вспомнить про тяжелые роды: «Когда моя младшая еще была моим левым боком...».

Раздвоенность мира – обычное ощущение и вернувшихся домой. После долгого путешествия во времени старый Пер Гюнт (для которого время летит быстрее, чем для обычных людей) думает о Сольвейг такой же молодой, какой она была для него вчера в его мире; но в ее мире это уже совсем не вчера, прошло много лет, и видит он наяву, при новой встрече, совсем не ту, что в своем прошлом мире. Так встречаются люди и предметы из разных миров, доставляя ветвлением времени много хлопот и себе, и теоретикам, см. [Vlach 1981: 271]. Например, провести границу между пропозицией, ее контекстом и модальностью установки не всегда получается [Bosch 1985: 306], и пропозициональная логика как образцовый формальный аппарат лингвистической семантики теряет свою прозрачность.

«Локализирующее» понятие «возможный мир» представляет абстракции в терминах осязаемых предметов: «интенциональные» (чисто мыслительные) объекты заменяются «экстенциональными», физически ощущаемыми вещами [Eco 1979: 218]. Когнитивизм же, с его серьезным отношением к метафорическим моделям, лежащим в основе так называемых «наивных» (folk) теорий мира и его восприятия, вступает в союз с теорией возможных миров, когда принимает [Halliday, Matthiessen 1999: 396], что значения лежат вне языка и только в интерпретации приписываются несомненно материальным объектам – выражениям языка – как упрощенные модели возможных миров.

На фоне достижений описательной когнитивной семантики для реальных языков соотнесение метафорического значения с буквальным в рамках теории возможных миров выглядит скромно [Hintikka, Sandu 1994: 152]. Строгая теоретико-множественной фразеология бессильна описывать пропозиции про конкретные

толпы и демонстрации: схема и нотация описания, наглядные при разъяснении абстрактных логических схем, выглядят произвольно и *ad hoc* [Putnam 1975: 80].

И когнитивная семантика спешит на помощь старой подруге, переносит фигуры обыденной речи о предметах размышления из языка-объекта в плоскость метаязыка, в абстракциях видя игру витающего над миром человеческого интеллекта. Такой метаязыковой «лифт» упорядочивает (в ментальности, но не в реальном мире) хаос разбросанных предметов, создавая иллюзию предсказуемости и управляемости, ср. [Stekeler-Weithofer 1986: 22], но только по моде, царящей в интеллектуальном контексте окружающей культуры. Никого не смущает, что в опере герои античности носят костюмы эпохи барокко, а причесаны по-молодежному. Но по одежке-то только встречают... Тем не менее, невключенность в культурные нормы была бы еще хуже. Даже терминологический аппарат, культура доказательства и формулы обладают преходящей эстетикой «на злобу дня», а стриптиз – одна из форм крайне легкой (одновременно верхней и нижней) одежды, уместной не во всякий научный сезон.

4. Возможный мир в динамике вымысла: изменение мира vs. наведение фокуса

Вопрос о том, как из одного состояния мир переходит в другое, придает исследованию «возможного положения дел» и «возможного направления развития событий» практический смысл, см. [Хинтика 1980: 38], затрагивая физические и ментальные сущности. Природные законы действуют совместно с культурными традициями фокусирования, высвечивания одних аспектов изменения мира и затушевывания других.

Фокус внимания, переходя с одного предмета на другой, задает перспективу, взгляд на смену возможных миров в пространстве и во времени, напр., в прошлом и будущем, см. [Dijk 1981: 152-153], при цельнооформленности, обеспечиваемой и логикой, и композицией изложения, ср.: «В своем линейном “развертывании” дискурс не имеет права преступать тех запретов, которые налагает на него “возможный мир”, реально воплощенный в дискурсе. [...] Многоголосность в пределах “возможного мира” дискурса противопоказана. В церковь должны иметь доступ только те прихожане, которые способны понять ее проповедника – посторонним там делать нечего»

[Звегинцев 1980: 18-19].

Смена эпизодов текста, таким образом, оказывается задачей «большого синтаксиса». Недаром «семантику возможных миров» приравнивают «синтаксису ментального языка» [Chomsky 1982: 94], хотя исходная ее задача заключалась в другом: исследуя мыслительную деятельность [Stalnaker 1976: 182], показать, как языковые выражения соотносятся с обозначаемыми и описываемыми внеязыковыми сущностями [Dowty 1978: 97].

Возможный мир уподобляется художественному вымыслу и в серьезном ключе (как в некоторых направлениях реализма), и в несерьезном. «Чудачества» и ирония, не принимаемые всерьез, не соответствуют никакому возможному непротиворечивому миру, денонсируя мнения в самый момент высказывания [Sgall et al. 1986: 297]. Так, реальный О. Уайльд тонкие замечания вплетал в легкомысленную болтовню, а придуманный Козьма Прутков трюизмы сервировал как изысканную мудрость. В обоих случаях авторы делали вид, что придерживаются мнений своих лирических героев как «возможных», не настоящих личностей. Но маска, если ее не менять, не снимать и долго не стирать, прочно прирастает к лицу.

Вымыслу литературного текста соответствует возможный мир с мотивирующими деталями, придающими логическую «связность», несопротиворечивость [Vitacolonna 1989: 325] и убедительность. Смыслообразование динамично, одно случайно брошенное слово тянет за собой другие, а в результате текст (особенно дискурс доказательства, в меньшей степени – пейзажный нарратив) выстраивается в иерархию утверждений и опровержений (conjectures and refutations [Popper 1962]) в облике динамичного связного возможного мира [Abend 1985: 79].

Рассказ лежит в основе не только доказательства, но и подробного рапорта о болезнях, слушая который, рыдают и/или скучают самые свирепые бактерии. Поскольку события, как и бактерии в питательном бульоне, лучше размножаются в хорошо подготовленной среде, в мирах желанных и ожидаемых, готовят такую крошку из бактерий по проверенным рецептам литературных традиций, ср. [Есо 1979: 219-220]. Мы с детства знаем, что «в некотором королевстве» рыба живет не та же, что в «некотором царстве», и плавниками гробет как-то не так.

Динамика возможного мира подается при фокусировке на описание – в гештальтистских

терминах – фигуры или фона, или, по [Lo Cascio 1999: 33], соответственно:

- собственно события (тогда часто используют имперфективные показатели), динамичного положения дел, плавно меняющего возможный мир, и/или

- мира, в котором событие произошло (тогда используют перфективные формы, характеризующие само высказывание).

Скажем, в грамматиках указывают, что английский имперфект годится для развернутого рассказа, а перфект аннотирует события, обходя острые углы, несущественные и нежеланные детали того, когда конкретно, в какое время, с кем и что произошло.

Подробное повествование вместо прямой оценки события – хитрый уход от доказательства (нарратив вместо аргументирующего дискурса) – легче воспринять [Lo Cascio 1999: 36], менее требовательно к верификации причин и следствий [Oberauer 1997: 162], чем дискурс с оголенным логическим каркасом, по которому пущен ток высокого интеллектуального напряжения. Модное в последние десятилетия слово-сорняк *короче* придает этому току динамичную деловитость перфективности даже при имперфективной подоплеке перспективы: сообщение *Мы, короче, были вчера с одним пацаном на тусовке* (как предисловие к не очень-то короткому отчету) придает нарративу весомость доклада-дискурса задыхающегося полевого командира со следами автоматной очереди на груди гимнастерки: *Короче, Америка вывела войска из Афганистана*.

Оторвать фокусировку от динамики собственно событий трудно: это не пуговица на старом пальто. Тем не менее, Г.В. Лейбниц пытался объяснить тягу к изменению миров через закон абсолютного стремления к неубыванию блага, без вмешательства осветителей-«фокусников». Ср.: *Or, cette suprême sagesse, jointe à une bonté qui n'est pas moins infinie qu'elle, n'a pu manquer de choisir le meilleur. [...] s'il n'y avait pas le meilleur (optimum) parmi tous les mondes possibles, Dieu n'en aurait produit aucun* [Leibniz 1900, первое издание 1710]. Ср.: «Ибо эта высочайшая мудрость в соединении с благостью, не менее бесконечной, нежели сама мудрость, не может не избирать наилучшего. [...] если бы не было наилучшего (optimum) мира среди всех возможных миров, то Бог не призвал бы к бытию никакого» [Лейбниц 1989: 134-135].

Пытливые историки узнают здесь идеи Диодора Крона, Аристотеля, Оккама и др. [Rijen

1986]. Правда, возможных миров не шесть, они разнообразны и не все нам подчиняются, – неуверенно поддакивают апологеты [Lewis 1986: vii]. Эти миры несут в себе и добро, и зло, в них заключена «божья справедливость», и беспристрастный Создатель всех миров назначает актуальным самый добрый, наименее злой, *die Welt der kleinsten Uebel* [Windelband 1907: 412], – добавляют другие.

Такое развитие идеи о благодати мира, вытекающей из всеблагости Бога, вызывало снисходительную улыбку у читателей вольтеровского «Кандида» и у Б. Рассела, см. [Jolley 1995: 1], и у всех, кто считает, что добро и зло без человека не живут и что любая оценка рукотворна. Зато мимо рядоположения реального и придуманного миров деликатно проходят, как бы не замечая. А ведь возможные миры интенциональны (их строят с определенными намерениями, даже идеологическими), поэтому фокусировка в них все-таки есть; да и лейбницевская интенциональность реального мира спорна, см. [Coste 1984], от нее стелется несомненно человеческий след.

Идея божественной универсальной справедливости и даже божественного правосудия (God's universal justice) реализуется в предположении, что «God acts justly in creation insofar as he is motivated to select that possible world which his wisdom deems to contain the greatest goodness» [Rutherford 1995: 18]). Такое представление о неопосредованной всеблагости, по-простому, по-философски связывая между собой понятия логичности, необходимости и свободы воли, заставляет насторожиться тех, кто слушает предвыборные обещания неумолимо повышать уровень благосостояния, построенные по схеме: «Если вы нас снова выберете, вам лучше будет, а не выберете – вам же хуже». Скептик лейбницевского склада думает так: «Прирост благ гарантирован «голой» логикой движения миров, так стоит ли его ускорять? Как-то, помню, было дело, ускорили...».

Представление о свободе, равенстве и братстве всех людей связывает выбор возможного мира и с человеческой этикой (с тем, что можно и что нельзя менять в самом мире), и с логикой изложения (в частности, меняющей фокусировку). Координация усилий физикализма и ментализма допускает взгляд на динамику мира «в собственном соку» под лучом целеполагающего прожектора, тем самым соотнося совершенство и гармонию мира с добродетелью человека, ср.

[Rutherford 1995: 18]. Целесообразность выбора актуального мира тогда выводима из логичности (consistency) и связности в фокусировке возможного мира как игрушечной модели нашего окружения. Недаром при радикальных потрясениях происходящее кажется *déjà vu* и реализацией заготовленного сценария, а неожиданность поворота событий объясняют недалновидностью ума, бесконечно уступающего Главному разуму.

Приняв, что все сущее логически «связно», а логика – спутник достоверности, по недосмотру предполагают и обратное, что все похожее на реальность тоже логично и связно. На этом основан метод «highly likely» в пропаганде. Правильным был бы вывод «по контрапозиции», что логически несвязное не может быть и реальным. То есть «невозможному возможному миру» ни за что не быть актуальным. А проект «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» невыполним, по определению сказки, которая, при всей «миметичности», ср. [Ronen 1994], всего лишь толкает нас под локоть с намеком, на ярмарке возможных миров, но никогда не была и не сможет быть правдой: *Сказка ложь, да в ней намек!* (А.С. Пушкин. Сказка о золотом петушке, 1836).

Человек, как муравьишка, в сказке для детей спешащий домой, стремится попасть в свой маленький мир, и жизнь его – нить между внутренним (одним из многих возможных) и внешним (единственным актуальным) мирами («Alles Leben vollzieht sich als Wechselbestimmung einer Inwelt und Umwelt» [Jaspers 1913: 10]), рвущаяся в минуту отчаяния: *Жизнь моя, иль ты приснилась мне?* (Е. Есенин. Не жалею, не зову, не плачу..., 1921). Мир человека не ограничивается «соматическими» происшествиями, а обладает взаимосвязями с внешним актуальным миром [Jaspers 1913: 11], в динамике взаимоадаптации (физического и внутреннего) существования человека с его окружением.

В этой адаптации натываются на непреодолимую границу своего существования, ср. выражение экзистенциалистов «одна из действительностей самобытия» (eine Wirklichkeit des Selbstseins) [Jaspers 1913: 11]. Здесь коренится ощущение «мне подменили мир», известное и в психиатрии, и в искусстве: *Мне подменили жизнь. / В другое русло, / Мимо другого потекла она, / И я своих не знаю берегов* (А. Ахматова. Меня, как реку..., 1945). Творчество самоосознания подобно прорыву к прорыву интеллектуальному подвигу,

совершенному ради других, ср.: «Душа находит себя в своем мире и рождает с собой мир. Она обретает выражение в мире для других. Она создает произведения в мире» («Die Seele findet sich in ihrer Welt und bringt mit sich eine Welt hervor. Sie gewinnt Ausdruck in der Welt für andere. Sie schafft Werke in der Welt») [Jaspers 1913: 11].

У такой души есть еще одно направление «ветвления» возможностей: стать автором (а) «нормального», инерционного мира и/или (б) аварийного стечения обстоятельства, с изломами и неожиданностями, нарушающими инерцию и напоминающими то самое чудачество, которое в исполнении природы, а не мастера слова, иногда вовсе не забавно.

Так создается фрейм, костяк мира. А у «режиссуры», воплощающей в жизнь вырисовывающийся «эмерджентный» мир по такому эскизу текста, есть своя стилистика ветвления, на границе между реальным, возможным (желаемым и нежеланным) для исполнителей ролей такой своеобразной пьесы. Режиссура помогает убедительно сыграть роль гиганта, даже обладая малым ростом, и выглядеть влюбленным, никого не любя: «Режиссер, ставящий пьесу, дополняет правдоподобный вымысел автора своими *если бы* и говорит: “если бы между действующими лицами были такие-то взаимоотношения, если бы у них была такая-то типичная повадка, если бы они жили в такой-то обстановке и так далее, как бы при всех этих условиях действовал ставший на их место артист” [...]» [Станиславский 1938: 95-98].

Непосредственный переход из мира в мир «сам по себе», без режиссуры («джазовый мир» без дирижера), доступен, если допускается всеми законами обоих «смежных» миров, различающихся только в одной пропозиции [Searle, Vanderveken 1985: 30]. Но лишь во взаимодействии с «общепринятым» знанием: законы природы «адаптируются» к цивилизации. То, что Мальвина в одном эпизоде «фильма миров» блондинка, а в другом – шатенка, сегодня удивит разве что Старика Хоттабыча. Утверждение, что она – **бывшая** блондинка, покреативней. Но как чудачество звучит еще, что Мальвина «в душе» все равно так и осталась блондинкой.

Предшествующий мир в такой динамике называется инерционным, если минимально отличен от последующего или последующих, допуская «ветвление» альтернатив дальнейшего хода событий [Dowty 1978: 148]. Иногда

возможный мир так и определяют как *les instants d'un temps ramifié* «моменты разветвленного времени» [Martin 1983: 30], ср. «этапы большого пути» как чего-то predeterminedенного. Сами моменты времени определяют как точки ветвления, расхождения возможных миров [Schnelle 1980: 352]. Одни ветвления принимаются легко, а другие – с «социально значимыми и обоснованными» сомнениями. Намерение речевых действий, конечно, соотносят с допустимыми в конкретной ситуации, но не всегда диалогический шаг выбирают из меню допустимых, лишь узнав, как завтра будет истолковано коммуникативное намерение, ср. [Morik 1982: 249]. Оценка возможностей до самого действия и после него могут расходиться: «Зачем я это сказал(а)? И кто меня за язык тянул?» Да он сам потянулся!

Но кто констатирует такую межмировую доступность? Еще одним «слотом» во фрейме возможного мира является роль эпистемического арбитра, «знающего» законы, по которым миры соотносятся [Хинтиikka 1980: 229], какие альтернативы для мира допустимы, а какие – нет, а также следящего за изменениями в своде законов природы, переиздаваемом цивилизацией. А отсюда – прямой путь к диалогу и договоренности субъектов по поводу судеб миров, скажем, диалог между Я и Природой, как у Я. Хинтиikki.

И Космос миров тронулся, и эпистемическая толпа зарокотала, стоило нам задуматься о динамике знания в человеческом контексте. А где человек, там и все, что он понаделал в этом мире, т.е. культура. Следовательно, к законам природы, *naturae leges* (одной заинтересованной стороны диалога) следует добавить и законы человеческой «культуры», *culturae leges*, варьирующиеся от этноса к этносу, от эпохи к эпохе. С их участием интерпретируются и человеческие артефакты, и природные движения, такие как мировое потепление и нарушение экологии.

Так устроена человеческая мысль, что каждое дополнительное допущение срывает пломбу с того, что до того считалось неприкосновенным: почему бы законам – и природы, и культуры – не меняться самим, не дожидаясь команды арбитра, доверяющего природе и предвзято относящегося к родным законам культуры? Предвзятое недоверие к своим пророкам привычно: чужим экспертам верят больше, чем своим [Демьянков 2020b]. Для немца «Спутник-V» будет посильнее западной вакцины, а для россиян-патриотов лучше «Пфайзера» – только другой «Пфайзер» или «Модерна».

5. Между реальным и нереальным

Возможное бывает реальным или нереальным [Marty 1884–95: 44]. Прототип реального – физические свойства, такие как цвет, тон, интенсивность, протяженность, а также психические состояния, присущие психическим процессам представления, суждения, опасения, надежды, желания и т.п. Главный прототип нереального – простое отсутствие реального, а частные случаи – дыра и невосприимчивость, прошлое, будущее, возможное и невозможное, недостижимое и т.п. Соотношение действительного и возможного подобно напряжению электросети (Grundspannung), особенно когда выбор слов о реальном описывают метафорически, см. [Brinkmann 1950/51: 13], в динамических терминах. Реальность «рождается» именно от этого напряжения: без желания и собственно действия реальность не являла бы себя. И действие – всегда отказ от выбора одних возможностей (действовать) в пользу других [Weil 1965: 311].

Такой взгляд продолжает линию рассуждения схоластов, ср.: «Следуя Аристотелю и Августину, Фома Аквинский понимает механизм причинности не в смысле перемещения качества с одной вещи на другую, а в смысле некоторого превращения возможности в действительность. По Фоме, природное деятельное начало (agens naturale, по-русски букв. «*тот, кто действует естественным образом, по законам природы*» – В.Д.) не переносит (non est traducens) собственную форму (proprium formam) на другой предмет (in alterum subiectum), но переводит раскрывающийся предмет из потенциального состояния в актуальное (sed reducens subiectum quod patitur de potentia in actu)» [Джохадзе, Стяжкин 1981: 110].

Ведь отрицание, предположения, подозрения, упреки и предрассудки сами по себе, вне человеческих стандартов, не существуют в реальном пространстве. Возможность как «вероятность без предположительности» (vermutungsfreie Wahrscheinlichkeit) противопоставлена предположительной вероятности (Vermutungswahrscheinlichkeit), см. [Meinong 1915: 711] и видна в соотношении с объективными, но «несамостоятельными» предметами (in Beziehung zu Objektiven (oder “Sachverhalte” im weitesten Sinne des Ausdrucks) und zu unvollständigen Gegenständen) [Chisholm 1972: ix].

Какими бы несамостоятельными или «неполноценными» ни были предметы, человеку

свойственно получать удовольствие и от стройной яркости мысленной конструкции, и от нарушений логики (по-французски *contresens*) в словосочетаниях естественного языка [Prandi 1987: 7]: *Beaux yeux, versez sur moi vos charmantes ténèbres* «Прекрасные глаза, излейте на меня свой очаровательный мрак» (Baudelaire) и *Les quadrilles tourbillonnaient dans sa tête* «Кадрили кружились в его голове» (Flaubert).

А непрототипичность предмета или явления проявляется как невозможность найти правильный термин и вызывает «законные» сомнения в «правильности» денотата, ср.: *Бывший* (или *бывшая?*) *Пьеро, а ныне Мальвина трогательно-женственно спел* (или *спела?*) *романс*. В бытовом сознании, если нельзя «с налета» подобрать слово, значит, такого быть не должно: этот довод в спорах о традиционных и нетрадиционных ценностях доводит до законного когнитивного изнеможения.

Поиграв словами, перемерив кучу имен и не найдя нужного, чувствуешь себя, как человек, перерывший квартиру вверх дном и не нашедший галошу. С усталым восхищением он спрашивает себя: «Куда же она подевалась?» Это *подевалась* с идеей «преднамеренной» невозможности найти (ср.: «Где же она может быть?») напоминает медиапассивные конструкции типа *Der Stoff wäscht sich gut* «Материал стирается хорошо» со значением *Der Stoff kann gut gewaschen werden*, букв. «Материал может быть хорошо выстиран» [Fagan 1992: 22]. Как если бы физические законы ограничивали ищущим доступ к неблагонадежным предметам.

Физические и фокусирующие законы драматургии и режиссуры актуального мира и инерционных миров только вместе определяют успех или провал поисков. Вот почему упрощением звучит: *Если у вас нету тётки, / Вам тётки не потерять* (песня из кинофильма «Ирония судьбы», стихи А. Аронина, музыка М. Таривердиева, 1974). Еще как потерять, когда окажется, что она вам не тетя и никогда не была тетей, а была бабушкой или стала дядей. В поисках заданного, по Лейбницу, различают «вечную возможность» (непреходящую истину в вечности: если предмет лежит в квартире, значит, его можно найти) и «преходящую возможность» (истину временную: если предмета в квартире нет, то ищи – не ищи...), ср. [Marschlich 1997: 40]. Но люди придумали в качестве выхода, за отсутствием действительного, назначать временно исполняющих даже вопреки физическим

параметрам, а потому и не претендующих на постоянный статус: ничего, если «посаженный» отец моложе жениха, а все временное постоянно.

Найдя искомое, не успокаиваются и все спрашивают себя: а то ли мы нашли? Эпистемическая подозрительность омрачает триумф воли к поискам. Искомое и найденное сопоставляются на основании предписаний-определений, по тексту-заказу: «Что вы просили, то мы вам и нашли», без гарантии адекватности [Рантала 1984: 199], если на складе больше ничего нет. Ведь кроме «физически невозможных», не зарегистрированных, обнаружилась и «логически невозможные» возможные миры [Хинтиikka 1980: 232], которые нет смысла и искать. *Золотая гора существует* и *Золотая гора не существует* априори одинаково истинны и ложны. *А Джон надеется построить вечный двигатель* нарушает пресуппозицию несуществования вечного двигателя: ничто не вечно, см. [Nunberg 1975: 420-421].

Бывает, что предмет – всего лишь то и только то, что о нем говорят, ср. (услышано от Т.В. Булыгиной-Шмелевой): «Илиаду написал не Гомер, а другой древний грек, тоже слепой и которого тоже звали Гомером». Потому и придумали термин «жесткий десигнатор» [Grpke 1972], имея в виду один и тот же предмет во всех возможных мирах, где он существует («a rigid designator is an expression which designates the same object with respect to any possible world in which the object exists» [McGinn 1982: 97]). Если показания противоречивы, значит, не ищи, а иди и положишься на мнение большего авторитета. Как ни крути, решающим доводом в пользу правильной «индивидуации» предмета являются показания заказчика поисков: «Вот это-то я и имел в виду», см. [Bühler 1983: 80]. Клиент всегда прав, а дейксис – лучший индивидуатор. Замахнувшись и не поймав муху, нужно мыть руки, если вы при этом нечаянно поймали другую.

По стандартам валидности аргументов, пришедших из Средневековья [Yrjönsuuri 2000: 59], рассуждать о физически не обнаруженных или сомнительных предметах можно до тех пор, пока они не будут логически скомпрометированы. Как несерьезные, в частности, квалифицируются рассуждения о логически невозможных предметах. Не разрешено также одно и то же одновременно утверждать и отрицать.

Эти правила научных показаний, вытекающих из «обязательств» (obligational issues) перед коллегами, справедливы и сегодня, когда

рассматривают «невозможные предположения» и *positio impossibilis*. Только вот статус «невозможности» проблематичен. Эти предположения невозможно применять в практике обсуждения? Или они в голову все никак не идут? Второе лучше соответствует смыслу термина *возможный*, противопоставляемого термину *вероятный* [Демьянков 2020]. Невозможное суждение, высказывание, предложение – то, до рассмотрения чего дело даже не доходит: по форме видно, что оно неграмматично (*Horse the when already*), самопротиворечиво (*Я живу к северу от Северного полюса*), противоречит очевидности (напр.: *Президент США Джон Кеннеди родился вчера*) или непристойно, см. [Alston 1971: 288].

А по свойствам физически возможного, «готового существовать», но не всегда актуального мира можно вычислить привходящие нефизические свойства [Horgan 1987: 492], ведь «Бытие определяет сознание»: в этом состоит естественнонаучный сверхоптимизм, по форме и сочетанию утверждений берущийся вычислить истинностную оценку утверждения или мнения об устройстве возможного мира, ср. [Auwera 1985: 105], но оставляющий за скобками (иногда по недосмотру) ментальные параметры миров.

6. Локализм в речи о возможном на французском языке

Во французском корпусе (3117 художественных и 2119 научных) непереводных текстов, охватывающем все эпохи французской словесности, включая полные собрания сочинений, основа класса «возможность» (*possible(s) / possibilité(s) / possiblement* и т. п.), сокращенно *possib-*, без отрицательного префикса *im-*, встретилась 75113 раза в 73283 предложениях, а основа класса «невозможность» (*impossible(s) / impossibilité(s) / impossiblement*), сокращенно *impossib-*, – 46610 раз в 45848 предложениях, т.е. примерно в полтора раза реже.

Рассмотрим четыре типа контекстов у лексем классов «возможный» / «невозможный». По убыванию частоты имеем:

1. (*Im*)*possib-* + предлог *de* (*d'* перед словом, начинающимся с гласного). Этот предлог обладает типовым локативным значением удаления, а по совместительству – принадлежности, ср. *de Paris* «из/от Парижа» и «принадлежащий Парижу»:

- *possib-* 17901 (*de* 12512, *d'* 4766),

- *impossib-* 16436 (*de* 12405, *d'* 3304).

Статистическое расхождение между

«возможным» и «невозможным» минимально.

Особенно интересны предложения этого типа, когда в безличном предложении с предикатом *(im)possib-* после предлога *de* идет глагол в инфинитиве, к которому (если он переходный) имеется дополнение (обычно именное словосочетание после глагола): *Soudain les branches et les buissons s'écartèrent avec bruit, six ou huit hommes s'élançèrent brusquement des halliers où ils étaient cachés, et enveloppèrent nos trois personnages avant qu'il leur eût été possible de faire un geste pour se mettre en défense*, букв.: «Вдруг ветки и кусты с шумом раздвинулись, шесть или восемь человек резко выскочили из зарослей, где были спрятаны, и окружили наших троих героев, прежде чем им было бы **возможно совершить движение**, чтобы занять оборону» (Gustave Aimard, *Les pirates des prairies*, 1858). Прономинальное дополнение перемещается в позицию прямо перед инфинитивом: *Je crois bien que je ne désire pas grand'chose, et les choses que je désire, il me serait possible de les obtenir avec quelque effort [...]* букв. «Я считаю, что я не хочу многих вещей, и те, что я хочу, мне было бы **возможно их получить** с некоторым усилием» (Maurice Barrès, *Le Culte Du Moi: II. Un homme libre*, 1912).

Пример речи о невозможности: *Il est impossible de désirer plus de beauté à la fiancée et plus d'amour au fiancé! «Невозможно желать больше красоты невесте и больше любви жениху!»* (Victor Hugo, *Marie Tudor*, 1833).

Нередко рядом с *(im)possib-* встречаем избыточное *peut-être* «возможно»: *Karl Dragoch pensa qu'il serait peut-être possible d'élucider tout au moins l'un d'eux, en profitant de l'état d'ébriété de son interlocuteur* «Карл Драгох думал, что будет, **может быть, возможно** объяснить все, или по крайней мере одно из двух, воспользовавшись состоянием опьянения его собеседника» (Jules Verne, *Le pilote du Danube* 1920).

Только внешне эту конструкцию напоминают случаи типа: *C'est très ancien, bâti sous la volée des cloches, sous l'ombre du clocher, le plus près possible de Dieu* «Он очень древний, построенный под звон колоколов, в тени колокольни, **как можно ближе** к Богу (букв. более близко возможно к Богу)» (René Bazin, *La terre qui meurt*, 1899), где *de* входит в управление прилагательного *proche* «близкий».

Для сравнения заметим, что предлог *de / d'* во всем корпусе, а не только с *(im)possib-*, встречается **12317974** раза (*de* 11703291, *d'* 614683); с учетом еще двух вариантов этого

предлога, а именно, *du (de, поглотивший артикль мужского рода)* 2034417 и *des (de, поглотивший артикль множественного числа, омоним неопределенного артикля)* 3158431, общая «употребленность» данного предлога еще больше: **17510822**.

2. *(Im)possib-* + в конце простого предложения (в частности, придаточного):

- *possib-* **13935**,

- *impossib-* **7442**.

Эта конструкция значительно чаще бывает с предикатом «возможно», чем «невозможно».

Такие предложения не сообщают, чем занимается существующий предмет, они просто констатируют, что он существует или не существует, напр.: *Prédire est impossible: la prévision n'est qu'à Dieu; mais prévoir est possible: la prévoyance est à l'homme* «Предсказать **невозможно**: предсказание исключительно от Бога; но предвидеть **возможно**: предвидение от человека» (Alphonse de Lamartine, *Souvenirs, impressions, pensées et paysages*, 1835).

Бывает еще «кажущаяся» возможность / невозможность: *Cela ne paraît pas impossible* «Это не **кажется невозможным**» (A.R. Lesage, *Gil Blas de Santillane*, 1715). Даже «кажущность» второй степени, когда кому-либо может показаться, что кто-то еще подумал, что нечто возможно. На это указывает ирреалис или субъюнктив глагола пропозициональной установки. Напр.: *Franchement je ne le crains pas non plus, quoique le cas ne me paroisse pas absolument impossible* (Antoine Houdar de La Motte, *Discours sur la tragédie*, 1730, архаичная орфография источника), букв.: «Честно говоря, я тоже этого не боюсь, хотя этот случай мне не **казался бы абсолютно невозможным**».

Естественнее звучало бы «я не считал бы», от первого, а не от третьего лица. Так было бы прямолинейнее, без эмпатии третьему лицу (эмпатизировать незнакомым вообще безответственно), не так утонченно и дипломатично. Зато без плетения далеких от актуальности возможных миров.

3. *(Im)possib-* + союз/союзное слово *que (qu'* перед словом, начинающимся на гласный), вводящее придаточное, в котором автор выкладывает все, что знает о мире, в котором живет, хотел бы жить и/или в котором ему жить ну никак не хотелось бы и не хочется:

- *possib-* + **6623** (*que* 4448, *qu'* 2175),

- *impossib-* + **4540** (*que* 2687, *qu'* 1853).

В этом случае «возможно» в полтора раза чаще, чем «невозможно».

Предикат придаточного бывает как в изъявительном, так и в ином наклонении. Напр.: *Non, non, il n'était pas possible que la Providence l'eût abandonné à ce point, qu'il fût tombé, pour jusqu'au dernier jour de sa vie, dans cet enfer*, букв. «Нет, нет, не могло быть, что Провидение покинуло бы (субьюнктив) его в этот момент, постигший его, в этот ад, в котором он останется до последнего дня своей жизни» (Georges Le Faure, *La Main Noire*, 1902). Неиндикативная форма предиката (*l'eût abandonné, il fût tombé*) говорит о сомнениях размышляющего в том, что возможный мир реален. По-русски сослагательное наклонение в таких случаях выглядит непривычно.

Всего союз (союзное слово) *que / qu'* в корпусе встречается **4251743** раза (*que* 3697750, *qu'* 553993).

4. (*Im*)*possib-* + предлог *à* (*au* когда предлог поглощает определенный артикль мужского рода единственного числа, *aux* – при поглощении определенного артикля множественного числа), типовое значение которого – движение / местоположение (*à Paris* «в Париж» и «в Париже»):
- *possib-* **2789** (*à* 1991, *au* 492, *aux* 306),
- *impossib-* **3343** (*à* 2891, *au* 248, *aux* 204).

Такие предложения о «невозможном» примерно в полтора раза более часты, чем о «возможном».

По общему правилу для прилагательных, «à плюс инфинитив» (в отличие от «*de* плюс инфинитив») допустимо только после прямого дополнения: *Les expédients ordinaires étaient usés: on croyait qu'il n'y avait plus de réformes possibles à faire, et cependant les dépenses excédaient les recettes d'une somme énorme*, букв. «Использовались обычные средства: думали, что больше нет **возможных реформ для проведения** [т.е. реформ, которые еще возможны в данной ситуации], и все равно расходы превосходили доходы на огромную сумму» (Charles-Maurice de Talleyrand, Pégibord, *Mémoires du prince de Talleyrand: Volume 1*, 1891). Прямое дополнение *réformes* «реформы» занимает позицию перед предлогом *à*.

Предикат, указывающий, что именно невозможно сделать, в романских языках более обязателен, чем в русском. Так, громоздкий перевод предложения [...] *s'écria la jeune fille avec une expression de bonheur impossible à rendre* букв. «воскликнула девушка с выражением **счастья**

невозможного передать» (Gustave Aimard, *Le chasseur de rats*, 1876), русский редактор безжалостно поправил бы, ср.: с выражением *непередаваемого счастья* и с выражением *невозможного* (или даже *высшего*) счастья.

Впрочем, предлог *à* иногда не связан с (*im*)*possib-*, а входит в «соседнюю» синтагму, напр.: *Plus j'y réfléchis, plus je pense qu'il faut le décider le plus tôt possible à faire ce voyage* «Чем больше я об этом размышляю, тем больше думаю, что нужно как можно скорее решиться совершить эту поездку» (Sophie Gay, *Ellénore: Volume I*, 1864), где глагол *décider* управляет предлогом *à*, ср. «решиться (на)».

Всего же предлог *à / au / aux* встречается в корпусе **6685728** раз (*à* 4824107, *au* 1299768, *aux* 561853).

Возникают вопросы, заслуживающие отдельного внимания:

1. Из статистики видно, что речь о возможном/невозможном повышает спрос на *que / qu'*, заметно снижая употребительность предлога *à*.

2. Очень часто во французском избыточен сам глагол в инфинитиве. Скажем, вместо *возможных для проведения (à faire) реформ* по-русски вполне хватает просто *возможных реформ*. Имеем ли мы дело с эллипсисом (опущением) в русском языке или, наоборот, с плеоназмом (избыточным упоминанием на всякий случай) во французском?

3. Чем объяснимы семы удаления у *de* и приближения у *à* в указанных типах инфинитивных конструкций?

Можно предположить следующую дискурсивную тактику. В речи о возможном по-французски, по умолчанию, настраиваются на употребление безличного предложения с (*im*)*possib-* перед инфинитивным оборотом с *de/d'*: недаром этот предлог наиболее частотный. Но у автора должны быть все данные, чтобы с «имперфектной» неторопливостью раскрыть «возможный сценарий». Если таких данных нет, то после (*im*)*possib-* делают паузу вместо *de/d'* или даже ставят точку. Немного подумав и найдя-таки завалявшиеся детали, после точки, вздохнув, начинают придаточное с *que/qu'*. Когда же в фокусе внимания предмет, а не ситуация, начинают с предлога *à* и называют избыточный инфинитив, аннотирующий действие возможное или невозможное с этим предметом, вычисляемое как «семантическая функция» от имени предмета (в смысле [Мельчук 1974]): в русских мирах

молоко пьют, суп едят, а реформы проводят, а не делают и т.п.

7. Заключение

1. Рассмотрение того, как понятие «возможность» используется в гуманитарных и социальных науках, дополненное анализом употребления лексем, соответствующих этому понятию в различных текстовых культурах, позволяет увидеть перспективы и оценить своевременность (оснащенность лингвистическими техниками) некоторых мультидисциплинарных проектов. Часто ход решения задачи рождается раньше подходящих инструментов. Например, о полетах на далекие планеты намечались еще до эры космических кораблей. Идеи искусственного интеллекта замелькали, когда порядочных компьютеров-то не было. Лингвистические идеи, которые могли бы помочь возродить лейбницеvский проект «теории возможных миров», начали развиваться, когда когнитивная семантика в исполнении профессиональных лингвистов делала первые шаги.

Сегодня когнитивная лингвистика на равных правах сотрудничает с другими направлениями когнитологии и более подготовлена к такому полету.

2. Анализ языкового материала на базе больших корпусов текстов позволяет не только установить представительность явлений в области структуры языков (что само по себе всегда интересовало лингвистов), но и строить модели языковой деятельности как части человеческой ментальности в актуальном и в возможных мирах.

3. Когда-то Л. Витгенштейн ворчал: «Что в принципе может быть сказано, можно сказать ясно; а о чем говорить нельзя, нужно молчать» (Was sich überhaupt sagen lässt, lässt sich klar sagen; und wovon man nicht reden kann, darüber muss man schweigen) [Wittgenstein 1922: 90]. Этим он приговаривал честный народ к безмолвию, остальных толкая на криводушие, ср.: «А вы не знаете, так молчите» (Э.В. Брагинский, Э.А. Рязанов, Сценарий кинофильма «Берегись автомобиля», 1966).

«Сказать или не сказать» вместе с «ясностью» входят в установочный конвой текста, т.е. в фокусировку, **привязанную к конкретному языку**. Ясное в оригинале, а в переводе нелепое, нарушающее узус целевого языка, опускают или снабжают комментарием. Точность же не в мелочном перечислении малозначительных

частностей (чем мы, гуманитарии, грешим особенно усердно и профессионально), а в том, чтобы о сомнительном не говорить как об актуальном. А затруднения переводчика вызывает даже то, что речь о нереальном «возможном мире» по-русски допускает двойное толкование там, где по-французски избегается индикатив.

Поэтому семантике возможных миров есть чему поучиться у носителей романских языков, сызмальства суеверно относящихся к наклонениям и к возможным мирам. Сам Лейбниц, когда писал по-французски, трепетно-правдиво сомневался по правилам французской грамматики.

Список литературы / References

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018. [Boldyrev N.N. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2018.]

Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5-17. [Dem'yankov V.Z. O yazykovykh tekhnikakh adaptatsii mneniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2020. № 4. S. 5-17.] DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-5-17

Демьянков В.З. Возможное и вероятное в испанском корпусе // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 41-52. (2020a) [Dem'yankov V.Z. Vozmozhnoe i veroyatnoe v ispanskom korpuse // Voprosy psikholingvistiki. 2020. № 3 (45). S. 41-52. (2020a)]

Демьянков В.З. Чужеземная креативность русских макаронических стихов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 73-91. (2020b) [Dem'yankov V.Z. Chuzhezemnaya kreativnost' russkikh makaronicheskikh stikhov // Kritika i semiotika. 2020. № 1. S. 73-91. (2020b)]

Демьянков В.З. О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 25-39. [Dem'yankov V.Z. O vechnoy tsennosti idey v siyuminutnykh voploshchen'yakh // Kritika i semiotika. 2021. № 1. S. 25-39.]

Джохадзе Д.В., Стяжкин Н.И. Введение в историю западно-европейской средневековой философии. Тбилиси: Ганатлеба, 1981. [Dzhokhadze D.V., Styazhkin N.I. Vvedenie v istoriyu zapadno-evropeyskoy srednevekovoy filosofii. Tbilisi: Ganatleba, 1981.]

Звегинцев В.А. О цельноформленности единиц текста // Изв. АН ССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 1. С. 13-21. [Zvegintsev V.A. O

tsel'nooformlennosti edinits teksta // *Izv. AN SSR. Seriya literatury i yazyka*. 1980. T. 39. № 1. S. 13-21.]

Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла / пер. с фр. К. Истомина, Ф. Смирнов // *Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах*. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49-401. [Leybnits G.V. Opyty teoditseii o blagosti bozhiey, svobode cheloveka i nachale zla / per. s fr. K. Istomin, F. Smirnov // *Leybnits G.V. Sochineniya v chetyrekh tomakh*. Т. 4. М.: Mysl', 1989. S. 49-401.]

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл – текст». М.: Наука, 1974. [Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «smysl – tekst». М.: Nauka, 1974.]

Рантала В. Семантика невозможных миров и логическое всеведение // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки / отв. ред. Смирнов В.А. М.: Наука, 1984. С. 199-207. [Rantala V. Semantika nevozmozhnykh mirov i logicheskoe vsevedenie // *Modal'nye i intensional'nye logiki i ikh primeneniye k problemam metodologii nauki* / отв. red. Smirnov V.A. М.: Nauka, 1984. S. 199-207.]

Станиславский К.С. Работа актера над собой: Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. 2-е изд. М.: Худ. лит., 1938. [Stanislavskiy K.S. Rabota aktera nad soboy: Rabota nad soboy v tvorcheskom protsesse perezhivaniya: Dnevnik uchenika. 2-e izd. М.: Khud. lit., 1938.]

Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования: сборник избранных статей. М.: Прогресс, 1980. [Khintikka Ya. Logiko-epistemologicheskie issledovaniya: sbornik izbrannykh statey. М.: Progress, 1980.]

Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. [Tselishchev V. V. Filosofskie problemy semantiki vozmozhnykh mirov. Novosibirsk: Nauka, 1977.]

Abend B. Grundlagen einer Methodologie der Sprachbeschreibung: Kritische Untersuchungen zur Einheit von Linguistik und Literaturwissenschaft. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1985.

Alston W.P. Philosophical analysis and structural linguistics // *Philosophy and linguistics* / edit. by Lyas C. London; Basingstoke: Macmillan, 1971. P. 284-296.

Auwera J.V.d. Language and Logic: A Speculative and Condition-Theoretic Study. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1985.

Barwise J., Etchemendy J. Model-theoretic semantics // *Foundations of cognitive science* / edit. by

Posner M.I. Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology, 1989. P. 207-243.

Bosch P. Propositionen // *Nach-Chomskysche Linguistik: Neuere Arbeiten von Berliner Linguisten* / Hrsg. Von Ballmer T.T., Posner R. Berlin; N.Y.: Gruyter, 1985. S. 299-307.

Brinkmann H. Der deutsche Satz als sprachliche Gestalt // *Wirkendes Wort*. 1950/51, Sonderheft. S. 12-26.

Bühler A. Die Logik kognitiver Sätze: Über logische Grundlagen der Argumentation in den Geistes- und Sozialwissenschaften. Berlin: Duncker & Humblot, 1983.

Chisholm R.M. Vorwort zur Neuauflage // *Meinong A. Gesamtausgabe* / Hrsg. von Rudolf Haller, Rudolf Kindinger, R.M. Chisholm. Bd. 6. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1972. S. IX-XII.

Chierchia G., Partee B., Turner R. Introduction // *Properties, types and meaning: Vol. 1. Foundational issues* / Edit. by Chierchia G., Partee B., Turner R. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 1-16.

Chomsky N. On the generative enterprise: A discussion with Riny Hyug Regts and Henk van Riemsdijk. Dordrecht; Cinnaminon: Foris, 1982.

Costantini D. Possibilità, possibilità potenziali e leggi // *Scienza e filosofia: Saggi in onore di Ludovico Geymonat*. Milano: Garzanti, 1985. P. 55-65.

Coste D. Lector in figura: Fictionalité et rhétorique générale // *Lectures, systèmes de lecture* / Ed. par Bessière J. Paris: Presses universitaires de France, 1984. P. 11-26.

Cresswell M.J. Logics and languages. London: Methuen, 1973.

Cresswell M.J. A highly impossible scene: The semantic of visual contradictions // *Meaning, use, and interpretation of language* / Edit. by Bäuerle R. et al. Berlin; N.Y.: Gruyter, 1983. P. 62-78.

Cresswell M.J. Structured meanings: The semantics of propositional attitudes. Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology, 1985.

Cresswell M.J. Semantical essays: Possible worlds and their rivals. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1988.

Dijk T.A.v. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague etc.: Mouton, 1981.

Dowty D.R. Applying Montague's views on linguistic metatheory to the structure of the lexicon //

Papers from the parasession on the lexicon / Edit. By Farkas D. et al. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1978. P. 97-137.

Eco U. The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts. Bloomington; London: Indiana University Press, 1979.

Fagan S.M.B. The syntax and semantics of middle constructions: A study with special reference to German. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992.

Felt J.W. Impossible worlds // International Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 23. No 3 (91). P. 251-265.

Fitch G.H. Naming and believing. Dordrecht etc.: Reidel, 1987.

Givón T. The time-axis phenomenon // Language, 1973. Vol. 49. No 4. P. 890-925.

Gochet P. Pragmatique formelle: Théorie des modèles et compétence pragmatique // Le langage en contexte: Études philosophiques et linguistiques de pragmatique / ed. par H. Parret et al. Amsterdam: Benjamins, 1980. P. 319-388.

Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.M.I.M. Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. London; New York: Cassell, 1999.

Heny F.W. Introduction // Ambiguity in intensional contexts / edit. by Heny F. Dordrecht etc.: Reidel, 1981. P. ix-lvii.

Hintikka J. Situations, possible worlds, and attitudes // Synthese, 1983. Vol. 54. No 1. P. 153-162.

Hintikka J., Sandu G. Metaphor and other kinds of nonliteral meaning // Aspects of metaphor / edit. by Hintikka J. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 151-187.

Horgan T. Supervenient qualia // Philosophical review. 1987. Vol. 96. No 4. P. 491-520.

Ishikawa K. A network theory of reference. Bloomington, Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1998.

Jackson F., Pargetter R. Oughts, options, and actualism // Philosophical Review. 1986. Vol. 95. No 2. P. 233-255.

Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. Berlin. etc.: Springer, 1913. (9., unveränd. Aufl. Berlin. etc.: Springer, 1973.)

Jolley N. Introduction // The Cambridge companion to Leibniz / edit. by Jolley N. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 1-17.

Kamp H. Prolegomena to a structural account of belief and other attitudes // Propositional attitudes: The role of content in logic, language, and mind / edit. by Anderson C.A., Owens J. Stanford (California):

Center for the Study of Language and Information, 1990. P. 27-90.

Karttunen L., Peters S. What indirect questions conversationally implicate // Papers from the regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago University Press, 1976. Vol. 12. P. 351-368.

Keenan E.L. Facing the truth: Some advantages of direct interpretation // Linguistics and philosophy. 1983. Vol. 6. № 3. P. 335-371.

Kripke S.A. Naming and necessity // Semantics of natural language / Edit. by Davidson D., Harman G.H. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 253-355.

Lakoff G. Natural logic and lexical decomposition // Papers from the regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago University, 1970. Vol. 6. P. 340-362.

Leibniz G.W. Essais de Théodicée // Œuvres philosophiques de Leibniz. Texte établi par Paul Janet, Félix Alcan. Paris, 1900. T. 2. P. 83-145.

Lewis D.K. Counterfactuals. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1973.

Lewis D.K. On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 1986.

Lo Cascio V. Narration and argumentation: A rhetorical strategy // Rhetoric and argumentation: Proceedings of the International Conference, Lugano, April 22-23, 1997 / edit. by Rigotti E. Tübingen: Niemeyer, 1999. P. 13-38.

Lyons J. Semantics. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1977.

Marschlich A. Die Substanz als Hypothese: Leibniz Metaphysik des Wissens. Berlin: Akademie, 1997.

Martin R. Pour une logique du sens. Paris: Presses universitaires de France, 1983.

Marty A. Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie // Marty A. Gesammelte Schriften. Bd. 2. 1. Abteilung. Schriften zur deskriptiven Psychologie und Sprachphilosophie / Hrsgn. v. J. Eisenmeier, A. Kastil, O. Kraus. Halle an der Saale: Niemeyer, 1918. S. 1-307.

McMichael A. A problem for actualism about possible worlds // Philosophical Review. 1983. Vol. 92. No 1. P. 49-66.

Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit: Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie. Leipzig: A. Barth, 1915.

Morik K. Überzeugungssysteme der Künstlichen Intelligenz: Validierung vor dem Hintergrund linguistischer Theorien über implizite Äusserungen. Tübingen: Niemeyer, 1982.

Nolt J.E. Sets and possible worlds //

Philosophical studies. 1983. Vol. 44. No 1. P. 21-35.

Nunberg G. Inferring quantification in generic sentences // Papers from the regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago University, 1975. Vol. 11. P. 412-422.

Oberauer K. Intentionalität und Reflexion: Bausteine zu einer hermeneutischen Kognitionswissenschaft. Münster: Aschendorff, 1997.

Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. N.Y.; London: Basic books, 1962.

Prandi M. Sémantique du contresens: Essai sur la forme interne du contenu des phrases. Paris: Minuit, 1987.

Putnam H. Mind, language and reality: Philosophical papers. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2.

Rescher N. Essays in the history of philosophy. Aldershot etc.: Avebury, 1995.

Rijen J.v. Aristotle's logic of necessity. Alblasterdam: Kanters, 1986.

Ronen R. Possible worlds in literary theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Rutherford D. Leibniz and the rational order of nature. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1995.

Schmerling S.F. How imperatives are special, and how they aren't // Papers from the parasession on nondeclaratives: Chicago Linguistic Society, April 17, 1982. Chicago (Illinois) / edit. by Schneider R. et al. The University of Chicago, 1982. P. 202-218.

Schnelle H. Pre-tense // Time, tense, and quantifiers: Proceedings of the Stuttgart Conference on the logic of tense and quantification / edit. by Rohrer C. Tübingen: Niemeyer, 1980. P. 329-354.

Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of illocutionary logic. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1985.

Sgall P., Hajičová E., Panevová J. The meaning of the sentence and its semantic and pragmatic aspects. Prague: Academia, 1986.

Stalnaker R.C. Pragmatics // Semantics of natural language / edit. by Davidson D., Harman G.H. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 380-397.

Stalnaker R.C. Indicative conditionals // Language in focus: Foundations, methods and systems: Essays in memory of Yehoshua Bar-Hillel / edit. by Kasher A. Dordrecht; Boston: Reidel, 1976. P. 179-196.

Stekeler-Weithofer P. Grundprobleme der Logik: Elemente einer Kritik der formalen Vernunft. Berlin; N.Y.: Gruyter, 1986.

Trupia P. Die Semantik der Kommunikation: Die Schaffung von Sinninhalten in Kunst, Wissenschaft und bei der Ausübung einer unternehmerischen Tätigkeit / Übersetzung aus dem Italienischen. Berlin: Duncker und Humblot, 1997.

Vitacolonna L. Literary coherence and the related topics // Text and discourse connectedness: Proceedings of the Conference on connexity and coherence, Urbino, July 16-21, 1984 / edit. by Conte M.-E. et al. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. P. 325-335.

Vlach F. The semantics of the progressive // Tense and aspect / edit. by Tedeschi Ph.J., Zaenen A. New York etc.: Academic Press, 1981. P. 271-292.

Walton K.L. Mimesis as make-believe: On the foundations of the representational arts. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press, 1990.

Weil E. Essais et conférences. T. 1. Philosophie. Paris: Vrin, 1991.

Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. – 4., durchges. Aufl. Tübingen: Mohr, 1907.

Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1922.

Wolniewicz B. A Wittgensteinian semantics for propositions // Intention and intentionality: Essays in honour of G.E.M. Anscombe / edit. by Diamond C., Teichman J. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1979. P. 165-178.

Yrjönsuuri M. The Trinity and positio impossibilis: Some remarks on inconsistency // Medieval philosophy and modern times / edit. by Holström-Hintikka G. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publisher, 2000. P. 59-68.

ON POSSIBILITY IN LOGIC AND IN COGNITIVE SEMANTICS

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vdemiank@mail.ru

'Possibility' belongs to the main concepts of modal logic, it plays a key role in the 'theory of possible worlds' which was initiated by G.W. Leibniz, restarted in the 1950's and is still fairly popular in formal logic, in philosophy of mind, and in cognitive semantics. Its main axioms and their

consequences are here explored from a linguistic point of view demonstrating analogies between localist and purely logical approaches to the truth values in actual and in metaphoric worlds.

Statistical analysis of a French corpus of literary and scholarly texts shows that lexical items of the 'possible' / 'possibilité' class are almost two times more frequent than their negative counterparts of the 'impossible' / 'impossibilité' class. The most frequent construction is 'possible' / 'possibilité' + 'de' + infinitive requiring the maximal array of factual information available to the speaker. The least frequent construction is 'possible' / 'possibilité' + 'à' + infinitive.

Such and similar data reveal a scale of textual expectations generated by the lexical items belonging to the 'possibility' class in French.

Key words: cognitive semantics, localism, possible world semantics, possibility, French infinitive construction, discourse coherence.

Acknowledgments: The research presented in sections 4 and 5 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 "Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries" at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in sections 2, 3, 6 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 "Parametrization of linguistic creativity in discourse and language" at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2021). On *possibility* in logic and in cognitive semantics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-21. (In Russ.).